

ЕКАТЕРИНА КУЗЬМЕНКО

ЕКАТЕРИНА КУЗЬМЕНКО

РЖАВЧИНА

ПЫЛЬ ДОРОГ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Иллюстрация на обложке — Владимир Манюхин

Компьютерный дизайн — Яна Половцева

Кузьменко, Екатерина Сергеевна.

К89 Ржавчина : [фантастический роман] / Екатерина Кузьменко. — Москва : ООО «Издательство АСТ», 2015. — 320 с.

ISBN 978-5-17-086755-4

Прежний мир навсегда остался в прошлом. Из темных углов, из позабытых страхов явились существа, смутно знакомые по детским кошмарам, двери домов отныне могут неожиданно распахнуться в чуждые всему живому места, а самые обычные люди вдруг открывают в себе дар противостоять неизвестному. Ходить нелюдскими тропами и выводить заплутавших, запечатывать прорехи в мироздании, из которых глядят древние недобрые силы.

Эта история о них. О людях, непохожих на других, связанных даром и судьбой. Их называют чистильщиками — теми, кто очищает неисследованные территории от всего странного и опасного. Чье призвание — спасать, защищать и хранить. И в сошедшем с ума мире они — одни из немногих, кто может что-то исправить.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-086755-4

© Е.С. Кузьменко
© ООО «Издательство АСТ»

Тем, без кого эта книга просто не появилась бы на свет:
Марине Тураевой (Торманну де Фоксу),
впервые увидевшей во сне мир Ржавчины,
Ирине Соколовой (Морихэл), первой читавшей все черновики,
электронные и бумажные, и вместе со мной бродившей по
дорогам этого мира,
моей маме — за безоглядную веру в меня,
Олесе Ярошко (Кайнэ) — за готовность бесконечно
обсуждать свои и чужие истории,
Надиру Алиеву — за своевременные технические придирки,
Кире Можайской (Мыслящей Ртути) — за разговор
об именах, сказках и символах,
Владу Гурееву (Аи Эмерсон) — за умение слушать,
Анне Мироновой (Кайсе), Алине Маргутовой (Алиньо),
Eilien li Rea, Гадкому котичку, adept-13 и всем,
кто терпеливо ждал финала.

А еще — Ольге Волоцкой (Джем), а также Сергею Маврину
и его группе. Потому что без их творчества история
получилась бы совсем другой.

Песня о беглецах, которые никогда не возвращаются —
«Runaway Train» группы «Soul Asylum».

Мы приходили странными путями...

Джем

Чужак
Пролог

-Эй, парень, ты уверен, что тебе сюда? — окликнул меня водитель автобуса. Что ж, я его понимаю. Затерянный в глуши городок, вечер, единственный пассажир, к тому же — подросток.

Подхватываю рюкзак, спрыгиваю на асфальт.

— Уверен.

— У тебя здесь родственники? — взрослые всегда ищут простые объяснения.

— Родственники, — успокаиваю я водилу. Тот прищуривается.

— Что-то не похож ты на местных.

— *Дальние* родственники, — или он сейчас прекратит расспросы, или мне придется хамить. Однако водитель отвалил.

А я двинул через пустырь к виднеющимся впереди панельным домам. Мотор за спиной коротко взрыкнул, показывая, что связь с внешним миром на сегодня прервалась.

Повезло еще, что водитель не из местных, — в таких городках, как правило, жители знают не только друг друга, но и всю родню до седьмого колена. Если жить тут

постоянно, впору свихнуться или запить. Но постоянно мне и не надо. Всего-то немного подзаработать, отдохнуть и отправиться дальше. Да, я знаю, что в крупных городах легче найти работу или затеряться. Возможно, однажды я так и сделаю. Но, если тебя все-таки выпепит миграционная служба, то останется только паковать вещи и ждать, когда отправят по месту жительства. Но мне туда уже три года не надо. А вообще принцип «самое темное место — под фонарем» я люблю.

Маршрут я выбирал просто — нашел на карте ближайший к основной трассе населенный пункт. Хотелось бы, конечно, устроиться на работу поближе, но ни на заправках, ни в мотелях рабочих мест не было. А деньги кончились. Ну и вот. Здравствуй, славный город Эйслет. Уж какой по счету в моей шестнадцатилетней жизни.

Бар был оборудован в полуподвале. Или не бар... В общем, забегаловка. Она же, как показывает опыт, клуб для обсуждения местных новостей.

Тесное помещение за годы его существования прокурили насквозь — не только топор, весь набор инструментов можно развесить. В углу бормотал телевизор. Публика — в основном мужчины в возрасте от тридцати пяти до пятидесяти. Молодежь, похоже, стремится отсюда уехать. Да и война когда-то изрядно проредила мужскую часть населения.

Я прошел сквозь клубы табачного дыма к стойке. Немолодой крепкий мужик протирал стаканы.

— Здравствуйте. Вы хозяин? — Чужаков обычно не любят, но если ты чужак, лучше не пытайся сойти за своего.

— Ну я.

— Вам нужен официант? Или уборщик?

— Подсобный рабочий нужен. Помочь, подать, принести, починить. Вот только потянешь? — засомневался мужчина.

Они все так смотрели — оценивающе, с прищуром: потянет ли этот тощий парень? Сможет таскать мешки, грузить коробки, разгребать мусор? Не сопрет ли чего, если выпадет шальной шанс? Может, ему сразу — по шее и за порог?

— Потяну, — пахать придется много, но это ничего. — А деньги?

— Я через час заведение закрываю, вот тогда и поговорим. Посиди пока.

...Хозяина звали Лори. После закрытия бара мы с ним договорились об оплате. Если коротко — я ношусь у него на подхвате, по истечении трех месяцев мне платят. При этом кормят и позволяют жить в подсобке. Обе стороны закрывают глаза на возраст работника. Все. Конечно, любой юрист при виде такого заключения договора удавился бы на собственном галстук: никаких бумаг, просто потрепались с часик, и все, приступай к работе. Когда-то я решил поинтересоваться, как устраиваются подрабатывать нормальные люди. Что называется, на поржать. Согласиться на работу подросток может только в присутствии родителей, а владелец заведения, где кормят или наливают, должен у работника еще и справку о здоровье спросить. В общем, юридический роман с прологом и эпилогом. Гарантий, что мне действительно заплатят, а не вышибут по истечении срока, правда, нет. Но я тоже не первый год на улице, чую, когда у человека никаких задних мыслей нет, а когда лучше сразу ноги делать.

— Пошли, покажу, где жить будешь.

Обещанная жилплощадь оказалась пустующей кладовкой, правда, довольно просторной. Ладно. На меш-

ках с барахлом на складе мне спать тоже доводилось. И на заднем сиденье остова легковушки, брошенного у дороги.

— Квартира моя выше. Перетащишь раскладушку — и живи. Домой не пущу, уж извиняй — дочери подрастают. Следующая дверь — душевая для персонала. Завтра за час до открытия чтоб был на рабочем месте. Называть тебя как, если окликать придется?

— Дэй.

— Разве такое имя есть?

Боги, папаша, а вам-то не наплевать? Запоминается хорошо, никаких дурацких сокращений к нему не выдумашь.

— Раз меня так зовут, значит, есть.

— Ну, дело твое. Дверь я закрываю.

Первым делом я не с раскладушкой начал возиться, а полез под душ. Тот, кому приходилось по несколько дней находиться в дороге, меня поймет.

В треснутом зеркале на стене мелькнуло мое отражение. У меня лицо чужака, я говорил? У большей части населения Центральных регионов глаза серые или голубые, а волосы темно-русые. Поэтому мою смуглую физиономию в обрамлении длинных черных хайров видно за километр. Ах да, светло-карие глаза по контрасту со всем этим богатством кажутся почти желтыми, что превращает меня в воплощенную мечту любого патруля.

Отрубился я в ту ночь почти сразу же — сказала усталость. А утро началось со звона посуды. Встал я, как мы и договаривались, за час до открытия. За это время надо было успеть расставить поднятые вечером стулья, принять кое-что из продуктов у владельца местного магазинчика и починить дверцу кухонного шкафа. Успел.

Ничего, видали мы работу и похуже. Машины, например, мыть. В данном случае необходимость впахивать с утра пораньше компенсировалась тем, что в будние дни посетители подтягивались ближе к полудню. С самого утра могли забрести только неработающие старики.

Скучно? Нет, скучно мне никогда не бывает. Я видел, наверное, больше городов, чем любой другой парень моих лет. Ради этого можно и потерпеть временные неудобства...

Никто не знал, откуда этого парня принесло в город. Нелюдимый и молчаливый, он не сошелся близко ни с кем из здешних жителей. Впрочем, с ним тоже не стремились завести знакомство. И что за нелегкая потащила его в дорогу? Хотя тяжело, наверное, усидеть на месте, когда у тебя такие глаза...

За дочерей Лори опасался не напрасно. Старшая, Милли, была моей ровесницей и из кожи вон лезла, лишь бы доказать, что она уже взрослая. Всеми доступными способами.

Я ей казался диковинкой вроде экзотической зверюшки. Интересное, надо сказать, ощущение, но я еще не настолько выжил из ума, чтобы крутить роман на таких условиях. К тому же она мне совсем не нравилась. Пухленькая, светленькая, с ямочками на щеках, по своему, конечно, очень симпатичная. Я же предпочитал рыжих или темноволосых, с хрупкими фигурами и большими глазами.

Нет, в какой-то мере я ее понимал. Сложно получить первый опыт, когда все и все на виду. А я через несколько месяцев уеду и увезу маленький грех ее юности

с собой. Так ей не придется всю жизнь встречаться со мной взглядами.

Но неплохо было бы и поинтересоваться моим мнением, разве нет?

— Дэй, помоги! — донеслось из подсобки. Я отложил топор, которым пытался поддеть крышку ящика с консервами. Подхватил у Милли корзинку овощей и отнес на кухню. После чего продолжил мучить несчастный ящик.

— Дэй.

— А?

— Что у тебя с глазами? Это линзы?

— Я похож на человека, у которого есть деньги на контактные линзы?

— Ну... Не знаю, — Милли сидела на высоком барном стуле, забросив ногу на ногу и старательно демонстрируя коленки.

То ли ржать, то ли плакать.

Так все и катилось потихоньку. До одного памятного вечера в баре у Лори. Зашел как-то мужчина лет пятидесяти — пятидесяти пяти. Обширные залысины, обычная для этих мест одежда — потертые джинсы и клетчатая рубашка.

И сразу разговоры стали чуть тише. Мужика не то что побаивались — скорее, опасались. Того, что он может сотворить.

Мужик протопал к стойке и заказал пиво.

— Дэй, достань! — крикнул мне Лори, не желавший отрываться от каких-то своих дел. Я полез в холодильник, вскрыл новую упаковку и поставил на стойку запотевшую банку.

Тааак.

Да что они все на меня пялятся?!

Что пялятся не с любопытством, а с суеверным ужасом, я понял лишь мгновение спустя.

— Лори, — процедил мужик сквозь стиснутые зубы, — ты кого на работу взял?

— А что не так, Рейт? — удивился хозяин.

— Глаза у парня поганые.

— Так мне с ним не детей делать, — попробовал неуверенно отшутиться Лори.

Но было поздно.

Все уже услышали и запомнили.

Рейт, как я потом узнал, был местным психом. Этот дежурный скелет в шкафу каждого уважающего себя городка.

Причем двинулся он на войну, с фронта вернулся с нехорошим блеском в глазах и поселился в доме на окраине. Работал от случая к случаю и много пил, служа пугалом для городских мальчишек.

Но основная гадость была в том, что Рейт, хоть и псих, был все-таки своим, а я, с полным набором шариков и роликов, — приезжим. И не стоит думать, что это — пустой звук.

Милли повадилась якобы по делу заходить вечерами ко мне в кладовку. Без стука. Я уже подумывал привинтить к двери хоть какой-нибудь шпингалет.

В тот раз я сидел на раскладушке и перелистывал «Паруса и струны». Одна из немногих книг, когда-то захваченных мною из дома. Казалось бы, тому, кто вырос у моря, всякие корабельные приключения должны надоесть до зубовного скрежета. Но вот не надоедали.

— Дэй, ты мне не поможешь? — Милли мельком скользнула взглядом по обложке, но не заинтересова-

лась. Кажется, куда больше ее удивило, что я вообще читаю.

— А что нужно сделать? — я отложил книгу.

— Вешалку в коридоре прибить.

— Сейчас, — я потянулся за водолазкой, которую незадолго до того снял и пристроил под тощую слежавшуюся подушку (девчонка и не подумала отвернуться). Хотел собрать распушенные волосы в хвост, но не нашел резинку. — Идем.

Мы поднялись в квартиру. Задача оказалась пустяковой: вбить два гвоздя и пристроить на них доску с крючками для одежды. Кстати, что-то тихо в доме. Вечер уже, семья большая...

— А где все?

— Мама с отцом ушли в гости, брат где-то гуляет. А Айни в комнате телик смотрит.

Айни звали ее младшую сестру.

Я вбивал второй гвоздь, Милли наблюдала, как я работаю.

— Милли, не в службу, а в дружбу. Не найдется резинки для волос или шнурка? Закончу — отдам.

Она улыбнулась.

— Если хочешь, у нас дома есть хорошие ножницы. И машинка.

— Нет уж, спасибо.

— Думаешь, я не умею? — Милли решила обидеться, — Я брата стригу. И даже отца иногда.

Встретились, называется, две логики.

Ну и как ей объяснять прикажете? Отращивать волосы я начал незадолго до того, как ушел из дома. За три года скитаний по дорогам моя грива отросла почти до лопаток. Это было... как знак начала новой жизни, что ли. Человеку свойственно отмечать происходящие в жизни события чем-то вещественным. Обычно покупа-

ют памятные безделушки, делают фотографии. У меня нет дома, значит, остается творить что-то с собой.

Вот это я и попытался ей объяснить. Не знаю, поняла ли.

Но с ее настойчивостью определенно надо что-то делать. Пойти, что ли, заявление в полицию написать?

По старой своей привычке я изучал окрестности любого населенного пункта, в который меня заносило. Как только выдалось свободное время — отправился бродить по окраинам. Обнаружил несколько заколоченных домов, нашел почту и управу. Оказывается, помимо автостанции, в Эйслете была еще и железнодорожная. Неработающая...

Похоже, ветка утратила свое значение. Может, во время войны. Рельсы ржавели себе, здание вокзальчика паялилось в небо проемами окон. С одной стороны, мне нравятся такие пейзажи, а с другой... Я не помню войну, не могу ее помнить. Я родился в последний ее год. Даже не успел застать мальчишеского восторга по отношению ко всему армейскому. Но почему-то следы послевоенного запустения меня цепляют, уж не знаю чем.

А на обратном пути меня встретили. Следовало ожидать, конечно. Этакое официальное представление, ха. Если ты чужак, то это — привычное дело. Попробуем обойтись без драки, мне тут еще жить, пусть и недолго.

Было их четверо. Моего возраста или чуть старше. Должны еще учиться в школе, но наверняка уже помогают отцам на работе. Короткие стрижки, удобные свободные куртки. Интересно, кто лидер?

— Ты тот парень, который работает у Лори?